

Участникам VII Пермского экономического форума в этом году предстояло не просто пообщаться и поделиться наболевшим, но и придумать новую культуру — «Культуру Три». Первые две за них уже придумал писатель-эмигрант Владимир Паперный в своей книге 1980-х годов «Культура Два», также приехавший на форум наполнять смыслом новое определение, которое и должно стать основным трендом для России после «разрушительных» 1990-х и «восстановительных» 2000-х. В поиске будущей «Культуры Три» приняла участие корреспондент „Ъ“ **Ирина Парфентьева**. Хотя единства мнений о том, что именно должно получаться, на форуме не предполагалось, именно в этом и в готовности слышать соседей и предполагался успех.

Пермь в поисках нового звука

Согласно заданному книгой Владимира Паперного тону (интервью с писателем-эмигрантом читай на стр. 18), «Культуре Один» — революционному периоду — в российской истории соответствовали 1990-е. После докладов (с ними выступили в том числе учредитель Школы управления и демократии Арташес Газарян, первый замгендиректора телеканала «Россия» Александр Любимов, президент Фонда эффективной политики Глеб Павловский), которые больше напоминали воспоминания о баснословно «лихих» временах, участники форума провели интерактивное голосование, по итогам которого стало понятно, кто же сидит в зале. Большинство присутствующих все же хотело бы вернуться к началу новой российской истории (60% голосов; меньшинство — 11% — составили те, кто бы хотел вернуться и вовсе в СССР) и считает приватизацию ошибкой (52%). Правда, как отметил в своем выступлении ведущий научный сотрудник Института экономической политики Кирилл Рогов, «ошибка у реформаторов 1990-х годов заключалась не в том, что либеральная доктрина приватизации была ошибочной, а в том, что они не обратили внимания и не поняли главного вопроса, а откуда должен взяться этот самый справедливый рынок, который придаст правам собственности законность». Таким образом, налицо первый тезис «Культуры Три» — это переосмысление, а вернее, осмысление двух предыдущих культур.

Искать «справедливый рынок» участники продолжили на сессии «Культуры Два», описанной как стабилизационный период. Как охарактеризовал начало 2000-х годов замдирек-

Только разнообразие голосов и наличие своей партии в Перми позволяет слышать общее высказывание — оно совершенно не обязательно будет сформулировано в словах

тора Института философии РАН Петр Щедровицкий, перед страной в этот период стояло три ключевые группы проблем. «Первая — это проблема поиска модели пространственного развития России и адек-

ватной этой модели системы регионального управления. Вторая — это возможности диверсификации экономики и встраивания в существующую развивающуюся систему международного разделения труда.

И, наконец, третья — это проблема оценки качества человеческого и социального капитала», — пояснил он. Более точное место России, которое она заняла в 2000–2010 годах в мировой систе-

ме координат и, по сути, с чем встала на новой отметке «2010–2020», описал управляющий партнер московского офиса McKinsey & Company Ермолай Солженицын. «Мы большая экономика, у нас неплохой

рост, мы седьмые в мире», — отметил он. — Безработица у нас сейчас довольно низка и будет еще ниже, потому что мы потеряем 10–15 млн из занятого населения за следующие десятилетие». Далее еще менее опти-

мистично от консультанта многих российских и западных компаний пошла реплика о том, что «ну, конечно, нефть свалилась с неба — замечательно», «производительность труда у нас низкая, 30% от Америки, и за последние три года она не выросла». Состояние российской промышленности последнего десятилетия он и вовсе сравнил с костюмом. «Вот был у человека костюм 20 лет назад, но человек похудел и костюм стал ему большой. А потом он насытился, стал поправляться, а костюм ему хоть и нормально по размеру, но уже морально устарел», — рассуждал господин Солженицын. Завершил свое выступление он, уже глядя на настоящее: «Финансовая сила накоплена, настрой на „Сколково“ — это очень хорошо, но не надо забывать про какие-то системные вещи. Нельзя сделать сразу 25 разных инициатив, 26 платформ, 5 направлений модернизации, „Сколково“, инвестиционный фонд и еще что-то и по каждому из них проводить по пять совещаний, и уже не остается тогда времени заниматься системными вещами». Это был, по сути, еще один тезис «Культуры Два»: одеваться необходимо по фигуре, точность и собранность — это то, чего нам не хватало ранее.

Чтобы участники форума, вероятно, лучше подготовились к осмыслению и формированию «Культуры Три», со спеддокладом перед заключительной сессией выступил президент Института свободы и демократии Эрнандо де Сото. Исторический экскурс экономической мысли начиная с XIX века свелся к финальной реплике: «Собственность — это и есть невидимая рука рынка». Отметим, в интервью „Ъ“

господин де Сото достаточно внятно заявляет тему возможного понимания будущей «Культуры Три»: как и для всякой страны, путь в будущее не может быть шаблонным и описываться в стандартных терминах. «Культура Три» — это отказ от стандартных моделей и приоритет поиска.

Наконец, завершить поиски новой культуры и нового тренда российской действительности на период до 2020 года решили, в частности, директор Музея современного искусства PERMM Марат Гельман (его колонку читайте на стр. 20), ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов и экс-губернатор Всемирного экономического форума Пьер Жан Эверат. О том, что делают представители политической и экономического сообщества о предстоящем десятилетии, стало также ясно из опроса, проведенного по итогам заседания. Так, главным вызовом, который должен быть учтен при формировании «Стратегии-2020», является Китай (51%; мусульманский мир — 24%, США — 11%), а основной внутренней угрозой является вероятность социального взрыва (66%). По отношению к государственной роли участники форума также были практически единогласны: оно должно перестать быть инструментом рынка, а перейти в категорию регулятора (68%).

Можно было бы продолжить и далее формулировать тезисы будущей «Культуры Три». Но в этом нет необходимости: участники ПЭФ-2011 не скрывали, что в последующие годы намерены продолжить это занятие. Причем как в пределах Перми будущей весной, так и все время, оставшееся до будущей весны.

«Шутим, развлекаем, рассказываем про то, что женам будет чем здесь заняться»

После встречи с президентом Института свободы и демократии Эрнандо де Сото губернатор Пермского края **ОЛЕГ ЧИРКУНОВ** написал в своем блоге: «Не знаю, как ему, мне было это и интересно, и полезно». О значении экономического форума для Перми и иностранных инвесторах губернатор рассказал в интервью „Ъ“.

— Для Перми вы видите в первую очередь развитие потенциала в производственных, традиционных, сегментах или непроизводственных сферах? — Ответу мыслями тех, кто выступал на форуме. Тот же Эрнандо де Сото говорил, что хотя в производстве карандаша и задействовано много стран, богатеют только там, где обеспечивают координацию или коммуникацию между всеми участниками производственного цикла. Конечно, важно создавать рабочие места, но в этом случае мы вступаем в конкуренцию с Китаем за стоимость рабочей силы по принципу «чем дешевле, тем лучше». Какой выход из этой ситуации? Продолжать поставлять очень дешевую рабочую силу. Но если у нас есть хоть какой-то шанс покончить с кем-то в сфере выстраивания логистических цепочек, коммуникаций — это более достойная цель. Я не уверен, что сегодня крупные европейские

города борются за создание сборочных производств. И нам тоже нужно подумать, стоит ли за это бороться. Правда, есть еще один важный аспект: не бороться за что-то новое и проиграть то, что уже есть, — это крах. Производство должно быть опцией — пусть будет хоть что-то. Кроме того, важен баланс рабочей силы. Что будет в дефиците через десять лет? Рабочие места? Возможно, но маловероятно. С большей вероятностью возникнет дефицит рабочих рук, по крайней мере, такая тенденция существует. Это значит, что чем больше людей мы займем низкоквалифицированным рабочим трудом, тем меньше у нас сможет разместиться высокотехнологичных предприятий и отраслей. Наша задача сегодня — это продвигать людей, создавать те

виды производства, которые будут помогать им расти. — И вам форум в этом начинании как-то поспособствовал? — Мне кажется, важнее понятие, какие ощущения у участников форума. Главная задача была создать площадку, где люди бы включили свои мыслительные процессы. У меня тут был целый ряд очень полезных и интересных встреч, которые могут к чему-то привести, хотя могут и не привести. Например, с де Сото я общался часа три. Сегодня я не отвечаю на вопрос, что мы собираемся делать с де Сото — может быть, что-то и будем. Более важный вопрос, хватит ли сейчас ума найти интересный формат взаимодействия между нами и ними — людьми такого уровня, как де Сото. Они же говорят: «Ребята, нам очень интересно работать с Пермским краем, но вы нам предложите что-то такое, какой-то интересный проект, который будет интересен всему миру». — Например? — А вот примеров-то как раз и нет пока. Им нужно реально предложить проект по типу проекта Цукерберга (Марк Цукерберг, основатель Facebook. — „Ъ“). В мире сегодня очень много людей, которые хотят решать задачи чутью большего масштаба, чем они сейчас решают. Но у всех дефицит великих проектов. (Окончание на стр. 19)

«Надежду на реализацию либеральной программы может дать и левый лидер»

В работе Пермского экономического форума в апреле приняли участие один из самых влиятельных мировых либеральных экономистов — глава Института свободы и демократии (Лима) перуанец **ЭРНАНДО ДЕ СОТО**, специалист по институтам собственности, под руководством которого десятки стран мира корректировали национальные конституции. В интервью „Ъ“ господин де Сото рассказал о том, почему, с его точки зрения, непродуктивно деление на «социалистов» и «либералов», почему советы западных экономистов нередко неэффективны для развивающихся рынков, а также о том, о чем именно его спрашивают в правительстве России.

— Насколько распространена в мировом масштабе российская политическая ситуация, в которой достаточно либеральная программа правительства сопровождается нередко и антилиберальной, и антирыночной риторикой власти и неструктурированным, но мощным сопротивлением со стороны общества? — По этому поводу мне приходят в голову самые разные мысли. Я много где с такой ситуацией сталкивался, и в принципе все, что говорилось по поводу аналогичных ситуаций в мире, применимо и в России. Во-первых, большинство существующих либеральных и рыночных идей — это идеи мыслителей XX и XXI веков, живущих в обществе, крайне не похожем на общество стран развивающихся рынков. Сам язык, на котором

они говорят, для реальности развивающихся стран не годится. Кроме того, если вы пойдете глубже, обратившись к образу мышления либералов XVIII–XIX веков, то обнаружите, что они жили в мире, где целью общества было избавление от абсолютной власти. В наше время западным мыслителям об этом думать уже не приходится. И поэтому большинство западных либеральных мыслителей строят свои аргументы в контексте сокращения государственного вмешательства и госконтроля, а он вовсе не обязательно актуален для той ситуации, которая есть сейчас на развивающихся рынках. Политики в этих странах понимают: риторика западного происхождения не подходит для их аудитории, а риторика XVIII–XIX веков у них в инструментарии просто нет. Поэтому они заимствуют риторику, которая понятна массам, и говорят скорее социалистическим языком, который населению хорошо понятен. Поэтому и выглядит это в значительной степени социалистически.

Однако политики забывают важный момент, и я пытался донести его до аудитории Пермского форума. В XIX веке либералы и реформаторы понимали, что они занимаются созданием институтов и механизмов, о которых Адам Смит и его современники не упоминали, но для них главным врагом была абсолютная, абсолютистская власть. И лишь позже выяснилось, что не столько абсолютная власть, сколько институциональное развитие обеспечило защиту бедным во всем мире. Абсолютную власть, основой которой были монополисты и крупный бизнес, мало волновал вопрос открытия рынков для всех игроков. Эта часть реформ XIX века очень слабо зафиксирована документально. Именно поэтому сегодня левые либералы с развивающихся рынков пользуются риторикой недавних и очень влиятельных мыслителей-борцов за свободу личности, которые мало писали об открытости рынка и конкуренции, поскольку любое прямое обращение к более современному западному идеям свободного рынка легко может быть использовано против них их оппонентами-леваками. — Поэтому вы, либертарианец, спокойно относитесь к тому, чтобы вас воспринимали как левого? — Нам важно использовать два языка, две риторики. Кроме того, либертарианство в чистом виде имеет большой изъян. А именно: оно игнорирует силу классового анализа. Марксистский анализ имеет здесь неоспоримое преимущество: признавая существование классов, он дает возможность обращать-

ся к аудитории из разных экономических групп. Имея в распоряжении классовый анализ, вы можете говорить и с наемными сотрудниками компаний, и с акционерами, и с владельцами на их языке. То, что в последнее столетие либерализм одержал важнейшие победы над коммунистической идеологией, использовавшей классовый анализ для манипуляций реальностью, не означает, что невозможен неконфронтационный классовый анализ, не сводящийся к «войне за победу пролетариата». Когда интересы классов совпадают, капитализм действительно дает приемлемые плоды, во всяком случае, не все из них так уж плохи. А если вы не будете учитывать постоянное создание в процессе экономического развития разных классов, вам придется переходить к чисто социалистической риторике — это и вызывает противоречие, о котором вы говорите. Так складывается почти в каждой стране развивающегося мира, в бывших коммунистических странах — точно так. Это характерно, например, для Китая, для Албании, которой я немного, но занимался. — Насколько известно, вы консультируете и правительство России по подобным вопросам... — Мои знания о России на грани слабых и полного их отсутствия, поэтому отвечу о том, чем занимался, — об институте прав собственности. Меня всегда очень удивляло количество звонков и приглашений, которые я получаю из бывшего Советского Союза — на уровне глав государств. Ко мне обращались президенты стран бывше-

го СССР, которые сажали со мной, показывали мне мою же книгу «Тайна капитала» с подчеркиваниями и начинали со мной беседовать о том, что именно в ней написано. И всякий раз я понимал: со мной разговаривают вроде бы о том, что я писал, но так, что я довольно часто не могу понять, что они уточняют. Как правило, мне не хватает практических знаний об их странах для квалифицированного ответа на их вопросы: чтобы понять, что именно в моих книгах их затронуло, я должен был бы жить в их стране, знать их реальность. Достаточно часто предмет разговора действительно есть: практически всех интересует право собственности и последствия его нарушения. Скажу только одно. В разных странах мира, где я участвовал в коррекции режима прав собственности в законодательстве, всегда действовал один и тот же принцип. Если вы уже установили качественное законодательство о собственности, если оно действительно работоспособно, если оно соответствует национальным представлениям, институтам, традициям, деловой практике, если оно адаптировано к текущей ситуации — я не могу себе представить, чтобы в этой стране кто-то был лишен своей собственности. Если же есть проблемы с правами собственности, то, я думаю, произошло следующее: при разработке своего закона о собственности в стране просто не подошли к вопросу так тщательно, как это следует делать.

Полностью интервью читайте на Ъ-Онлайн